

УДК 321 (47)
ББК 66.5 (2Рос) 4
Б 90
А.Ш. Бузаров

К вопросу о природе и роли многопартийности в Российском постсоветском пространстве: партии, общество, власть и демократия (1990-2000 гг.)

Аннотация:

В статье дается попытка осмыслить роль и место многопартийности в Российском постсоветском транзите, показать отношения власти, общества и государства к партиям, проанализировать новые шаги демократизации в государственном строительстве, выявить позиции к новым преобразованиям в государстве, идущего по пути демократического преобразования в постсоветский период.

Ключевые слова:

Правовая основа, многопартийность, мировое сообщество, глобальная тенденция, модернизация политической системы, парламентаризм, гражданское общество, декоративные приатки власти, нивелированный советский социум, двухпартийная система, модернисты, демократическая трансформация, демократический имидж нового режима, легитимизация новой системы, избирательная технология, властная пирамида, территория постсоветского транзита России, самопроизводство режима, интеграция в мировое хозяйство, аморфный, пародийная демократия, урбанизирующееся общество, общественная система мобилизационного типа, классово-партийная государственная номенклатура, нации – государства, корпоратизм как система представительства интересов, избирательная компания, гипертрофированный и коррумпированный государственный бюрократический аппарат, политическая элита, электоральная демократия, поставторитарный режим, политический конформизм, трансформирующийся поставторитарный режим, лоббирование.

Партия как явление возникает снизу и создается определенными социальными группами, вырастающими из общества. Однако следует заметить, что до тех пор, пока логика партийного строительства с учетом требования времени, пока что четко не создано, в основе которого лежала бы правовая основа, можно долго говорить об отчужденности власти и народа, о различных политических пристрастиях, партийных программах. Но однако, шаги, которые предпринимались в России в рассматриваемый нами период, говорят, что государство постепенно становилось строителем политических партий, и партии становились конструкциями временными, конструкциями недостаточно прочными и надежными. В связи с этим некоторые партии гибли в один день, как это имело место в ельцинский период времени, хотя в некоторые из них были вложены не малые средства.

Что оказывает влияние на партии? Первое это то, что на процесс формирования партии оказывают глобальные тенденции, действующие в масштабах всего мирового сообщества. Вторая – это проблема субъекта политического процесса и критерий размежевания. А что касается проблемы собственности, то они выступают на второй план, а на первый – проблема размежевания по целям.

Говоря о природе и роли многопартийности в российском постсоветском пространстве, то следует сказать, что еще в марте 1990 года III съезд народных депутатов СССР изменил шестую статью Конституции, которая давала КПСС полное право на власть, а с октября этого же года был принят Закон «Об общественных политических объединениях граждан», который открыл

путь по оформлению многопартийности в России. Это была вторая возможность модернизировать политическую систему России по западной модели партийно-представительской демократии тогда, как еще впервые в России царским Указом от 4 марта 1906 года «О временных правилах, об обществах и союзах» и затем с учреждением Государственной Думы, впервые давалась возможность пойти по заданной модели модернизации с учетом национальной особенности России. Но, к сожалению, эта возможность была прервана начавшимися революционными событиями в России.

По западной модели организации власти партии выполняют роль основного социального посредника между государством и обществом и служат механизмом, дающую гражданам реальную возможность выбирать власть и сменять ее без насилия, когда она лишается доверия. И партия, как общественное объединение граждан, созданная для представления их политических интересов, является частью гражданского общества. И вместе с тем, кандидаты от партии, подержанные избирателями, занимают ключевые посты в системе правления и таким образом становятся властью. Эта двойственная сущность, находясь с одной стороны во власти, а с другой стороны, являясь частью гражданского общества, позволяет снять отчуждение между властью и обществом, с одной стороны, и обеспечить общественный контроль над властью – с другой стороны. Все эти вместе взятые тенденции позволили в странах Запада достигнуть высокого качества жизни и социальных гарантий населения. [1]

В России же были предприняты обе попытки модернизировать формы правления, но в условиях наступавшего острого системного кризиса, правящий режим оказался не способным прежними средствами контролировать политический процесс, развитие которого стало угрожать его существованию. В этих условиях правящий режим отказался трансформировать самодержавную централизованную власть в представительную, разделенную и партийную; в результате чего власть оставалась отчужденной от общества и нелегитимной в его глазах. Произошло неравновесное состояние, в результате которого даже относительно слабое воздействия привели к краху режима. С 1906г. по 1917г. прошло 11 лет. В последующем в стране установилась тоталитарная модель управления, сменившее патриархальное самодержавие, которое затем изжило себя к 70 годам прошлого века. И очевидным стало то, что тоталитарный режим, установленный в 1917 году в России, стал проигрывать западным партийным демократиям в эффективности. После распада советского коммунистического режима партийной демократии в качестве модели модернизации просто не оставалось никаких альтернатив. В начальный период перестройки, последняя воспринималась как наилучшая форма общественного управления, выработанная человеческой цивилизацией. [2] Это объяснялось тем, что постепенно страна стала поворачиваться небольшими шагами в сторону партийной демократии. Что касается стран Запада, то здесь политические партии сыграли решающую роль в становлении демократии в период первой волны модернизации. И это обстоятельство предполагало, что формирующаяся в России многопартийность станет своего рода фундаментом, на котором будет построена стабильная процветающая демократия.

Но, к сожалению, надежды не оправдались: Россия присоединилась к самой поздней – к «третьей волне» модернизации, волна, которая поразила множество политических режимов в разных странах, формально отвечающих таким критериям демократии, как всеобщее и равное избирательное право, регулируемые выборы и наличие оппозиционных партий, но мало похожих на «партийные демократии» Запада.

Подведя итоги за столетний период распространения демократии в мире следует сказать, что к 2000 году к электоральным демократиям присоединилось 120 стран, в которых проживало 63,2% населения планеты и только 38,9% жили в государствах, где действительно соблюдались базовые гражданские свободы. [3]

В этих странах шел процесс гормональность развития, а последнее обеспечивалось общностью их корней в мироотношенческой парадигме модерни, которые зародившись в Западной Европе в эпоху Возрождения и Реформации, складывались на протяжении нескольких столетий, признавала высшей целью человеческую личность, ее право на самореализацию. Она декларировало единство личной свободы и индивидуальной ответственности, из которого затем выросло гражданское общество.

В ходе длительного процесса становления нации – государства в странах Западной Европы в обществе происходили расколы, длительные конфликты, на базе

которых затем складывалось противостоящие друг против друга партий со своими устойчивыми электоратами. И смыслом их существования стало представление требований избирателей в системе правления государством.

Становление партийной демократии как политического института гражданского общества происходило в странах Запада в течение длительного времени, параллельно с укрепление парламентаризма социальной стратификацией индустриализирующегося и урбанизирующегося общества.

Что же касается России, то здесь политический режим, установившийся в 1917 году, уничтожил появившиеся в начале XX века партии и начало парламентаризма. В стране стало строиться «новое общество» посредством системы создания общественной системы мобилизационного типа, в которой независимые профсоюзы были либо уничтожены, либо трансформировались в декоративные придатки власти, выполняющие функцию идеологической мифологизмы советского общества, а на деле служащих дополнительным органом контроля. Советское общество состояло из двух классов – партийно-государственной номенклатуры и государственно-зависимых работников, и его социальная стратификация формировалась по принципу присвоения через привилегии, распределяемых в соответствии с местом занимаемым в партийно-советско-хозяйственной иерархии. После своего распада режим оставил нивелированный государственно зависимый советский социум.

Отсутствие частной собственности, составляющей основу независимости индивидуума от государства, разнообразных групп со своими интересами и оформляющих эти интересы организационных структур, отчуждение граждан от политического участия и фрагментация социума после распада режима и утраты советской идентичности, перехода к рыночной экономике позволили выработать свои инструменты поддержания стабильности. Выбор этих инструментов система выстроила и политические партии, которые, кроме компартии России, стали появляться и другие партии, что привело к появлению в стране систему многопартийности. Но многопартийность, возникшая на основе аморфного государственно-независимого социума, поддерживалось властью в расчете на то, чтобы сделать политический процесс более контролируемым, а также для создания демократического имиджа на экспорт. В отличие от Запада, где политические партии были продолжением гражданского общества и изменили природу власти, многопартийность в постсоветской России стала продуктом и элементом режима, который во многом определил природу и место в политической системе.

С 1993 года Указом Б. Ельцина развитие многопартийности было конструировано в качестве инструмента политической системы Российского государства и Конституция РФ (статья 13) признала как факт существования многопартийности в России. С этого времени было зарегистрировано за партиями половина мандатов в Государственной Думе первого созыва. И это было сделано в расчете на то, чтобы в условиях острейшего политического кризиса и действия дискриминационных по

отношению к оппозиционным ему партиям мер такие «правила игры» обеспечат избрание лояльного большинства и одновременно обеспечат легитимизации новой системы власти. Эти «правила» были закреплены законом о выборах, принятыми прошедшими в Думу партиями, в надежде сохранить за собой дарованные привилегии и затруднить доступ аутсайдерам.

Однако обретение партиями официального статуса согласно статье 13 Конституции РФ политического статуса в политической системе России не привело к какому-либо серьезному прорыву, ибо после 1993 года произошел откат от достигнутых ранее уровня демократического режима.

И накануне следующих выборов, которые состоялись в 1995 году власть дала попытку создать послушную двухпартийную систему, в которой одну партию возглавил бы глава правительства, другую – спикер Государственной Думы, а над ними в качестве гаранта Конституции стоял бы президент. Эти партии и «левой», и «правой» руки власти, по определению средств массовой информации, должны были по замыслу политтехнологов занять основную часть электорального пространства, отгнав за пятипроцентный барьер всех не лояльных по отношению к Кремлю, т.е. предлагалось власти создать такую систему представительства интересов, элементы которого представляли бы собой ограниченное число обязательных единиц признанных и созданных государством, наделенных монополией на представительство партий во власти. А поэтому со стороны Администрации Президента проводился жесткий контроль: каждому неправильному голосованию проводилось расследование. Таким образом, ставилась задача превратить многопартийность в послушную власти структуру.

После официального признания в законодательном порядке согласно Конституции РФ многопартийность в России уже за год до выборов в Государственную Думу в 1999 году Министерство юстиции зарегистрировало около 140 политических партий и общественно-политических движений, которые имели право участвовать в выборах, а уже в 2000 году их насчитывалось до 180 и для депутатов избираемых по партийным спискам было выделено 50% мандатов в Государственной Думе. Однако, к сожалению, многопартийность согласно проведенного опроса не справилась с функцией легитимизации власти, ибо существовавшая политическая система полностью устраивала 2% населения, а 90% среди населения граждан страны считали, что власть не гарантирует соблюдения их гражданских прав и интересов [4], ибо партии по данным опросов среди населения не выполняли своей роли как основного посредника между обществом и властью, а последнее являлась главной в партийных демократиях. Среди всех политических институтов партии устойчиво пользовались наименьшим доверием общества, о чем свидетельствуют следующие данные: так в июне 1997 года, т.е. через семь лет после принятия закона о партиях, всего 1% опрошенных среди избирателей заявили, о полном доверии к ним, а еще 4% – о доверии в «известно мере», в то время как недоверие среди избирателей высказали 76%. [5] Для сравнения, к примеру, в Испании, прошедшей путь демократической трансформации, за пятилетний период с 1971г. по 1976г. доля избирателей, считавших, что

политические партии полезны и должны существовать в стране выросло с 12 до 67%. [6]

Действующий президент страны представляет себе роль многопартийности в России в том, чтобы сделать Государственную Думу контролируемой и послушной Кремлю, чтобы не создавать конфликт ветвей власти и мешать работать президенту, который лучше знает, что нужно для России. И это ему удастся, о чем свидетельствует опыт выборов третьего созыва, когда Кремль за три месяца до голосования оформил свой избирательный блок «Единство» и, используя административный ресурс, контроль над общественными каналами телевидения и прогрессивные избирательные технологии, провел «Единство» в Государственную Думу, где оно сформировало вторую по числу мандатов свою фракцию. После этого «Единство» быстро сформировалось в общероссийскую партию с региональными отделениями во всех субъектах Российской Федерации, в том числе и в Республике Адыгея. Вот что сказал по поводу назначения этого новообразования Сергей Шойгу: «Мы должны создать партию, которая явилась бы политическим ресурсом власти». [7] И «Единство» однозначно и безоговорочно стало таковым.

С избранием В.В. Путина президентом страны стали появляться новые партии, уловившие новые тенденции во власти и заявившие о своем центризме и готовности подставить плечо президенту.

Однако при этом многопартийность все больше отчуждалась от общества. Так, опрос населения, проведенный в 1998 году на участие в деятельности политических партий как способов воздействия на власть, на вопрос, в чем, собственно заключается весь смысл существования партийной демократии, указали 1,2% опрошенных, а в 1995 году таковых было 3,2% опрошенных.

Маргинальность многопартийности в обществе и ее зависимость от Кремля обусловлены в значительной мере непартийным характером организации государственной власти по Конституции РФ 1993 года. Поскольку ни парламентское большинство, ни парламентская коалиция не обладают правом формировать правительство, борьба партий на выборах и сами выборы лишаются основного смысла, которыми они наделены в партийной демократии, где их основная цель – смена утратившего поддержку правительства и его курса.

При наличии института голосования, позволяющего гражданам в 4 года прийти на избирательный участок, у избирателей отсутствует возможность выбора, способного повлиять на изменения их социально-экономической ситуации, защитить их интересы. [9]

Когда победа все равно не дает партии возможность реализовать свою программу, полностью теряется значение программ в состязании партий, а поскольку статус Думы не позволяет партии контролировать правительство, теряется такой решающий для избирателей критерий, как оценка партии по экономическим результатам работы сформированного ею правительства за истекший срок. На парламентские партии, не влияющие на политику правительства и не несущие ответственность за ее социальные последствия, распространяется отношение к Думе. Так, к примеру, по данным опроса на февраль 2000

года, 3% населения верили, что Дума принимала нужные для страны законы и решения, тогда как 17% населения среди опрошенных полагали, что, хотя Дума обсуждает нужные законы и решения, она не в состоянии обеспечить их реализацию, а 60% опрошенных ответили, что Дума занимается бесполезным выяснением отношений с исполнительной властью. Сравним: в 1977 году верили, что Дума принимает нужные для страны законы и решения 4%, что она все равно не в состоянии обеспечить ее реализацию – 26%, что она занимается бесполезным выяснением отношений с исполнительной властью – 47%. [10]

Характерно, что не только общественное мнение, но и сами депутаты Думы и партийные фракции не воспринимали себя как одну из самостоятельных, как это декларировано в Конституции, ветвей власти.

Маргинальность партий еще сильнее проявляется в регионах. Пропорциональная система выборов, которая обеспечивает участие партий в политическом процессе на федеральном уровне, сохраняется только в немногих из 89 регионах РФ.

На многопартийность проецируется не структура расходов общества, а множество бизнес-бюрократических группировок, борющихся между собой за близость к власти, а возможность обойти конкурентов путем лоббирования своих корпоративных интересов (протекционизм, квоты, лицензии, тарифы, льготы и прочие) в процессе принятия властных решений. Большинство из создаваемых ими партий заявляют о центризме, поскольку у них нет потребности в собственной программе и нет своей идеологии (набора ценностей и представлений относительно экономической, политической и социальной системы общества); их вполне устраивает существующая власть. Участие в партийной политике для них имеет самоидентификации и формой борьбы за место под солнцем в систем, где в отличие от парламентских демократий Запада, отсутствуют эффективные структуры и прозрачные механизмы для легитимной лоббистской деятельности групп давления. За

десять лет своего существования многопартийность в России превратилась в традицию политического участия властной элиты, но ни как не масс.

Сама по себе многопартийность нейтральна по отношению к проблеме демократизации, ибо в равной мере может способствовать как самовоспроизводству режима, так и преобразованиям, в той мере, в какой они инициируются режимом. Траектория постсоветского транзита России складывается под взаимным воздействием множества факторов как внутренней, так и мировой системы. При этом международные отношения и мировая экономика не просто служат фоном переходного процесса, но определяют его характер, в отличие от движения демократии стран первой волны, которое было возможно в рамках суверенного нации – государства. Сегодня все более усиливается интеграция в мировое хозяйство и эта интеграция неизбежно требует принятия общих правил игры не только в экономике, но и в политике, и в социальной сфере и по мере трансформации режима под воздействием этих факторов будет меняться и сущностный характер многопартийности. Таковы реалии.

Примечания:

1. «Полис», 1996. – С. 27.
2. А.П. Бутенко От коммунистического тоталитаризма к формированию открытого общества. – М., 1997. – С 38.
3. Журнал «Демократия», январь. – С 17.
4. «Социально-политическое знание». – №2. – 1999. – С 8.
5. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – М. – №4. – 1997. – С 13.
6. А. Пшеворский. Демократия и рынок: политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М., 1999. – С 144
7. Новая газета, 12 июля 2000 г.
8. Российское общество: становление демократических ценностей. – М., 1999. – С. 205.
9. Там же. – С. 206.
10. «Московская правда», 2 июня 1997 г.